

Бремя империи и призвание России: к философии истории Г.П. Федотова

Ю.В. Клепикова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-44-57

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные компоненты философско-исторической концепции Георгия Федотова, связанной с переосмыслением исторического опыта России и пережитой ею революционной катастрофы. Исследование фокусируется на анализе имперской топики в творчестве Федотова, его представлений о культурной истории Российской империи, сущности имперского проекта в России, природе социальных и духовных процессов, определяющих событийный ряд русской истории. Работа отстаивает тезис, что в отношении к политическому и культурному феномену империи в трудах Федотова присутствует множественность интерпретаций: фокус его видения смещается от Средневековой Руси к Империи Петра Великого, далее к рухнувшей Империи Николая II и, наконец, к СССР, который Федотов понимает как Империю. Концепция Империи вырастает у Федотова из описания результата централизации феодально-монархической власти в России эпохи Ивана Грозного и становится универсальным культурфилософским феноменом ввиду эволюции взглядов самого Федотова, индикатором которой является изменение его отношения к исторической концепции Ключевского. Империя в 1940-е годы рассматривается зрелым мыслителем как универсальная идея: определение этого понятия, его границ позволяет понять причины кризиса и падения Российской империи, а также прояснить видение Федотовым образа будущей России. В статье дан анализ особенностей понимания Федотовым исторического развития России. Показано, что Федотов связывает пути спасения России с освоением духовного опыта древнерусской культуры, которая, по его мнению, содержит моральный и политический идеал «Республики Святой Софии». Одна из целей статьи состоит в том, чтобы показать эвристический потенциал культурфилософских идей Г.П. Федотова о миссии духовной элиты, а также творческой роли личности в процессе национального и государственного строительства.

Ключевые слова: империя, философия истории, историческое развитие России, духовное наследие.

Юлия Валериевна Клепикова — аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

jklepikova@list.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2858-543X>

Для цитирования: Клепикова Ю.В. (2019) Бремя империи и призвание России: к философии истории Г.П. Федотова // Философские науки. 2019. Т. 62. № 4. С. 44–57. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-44-57

The Burden of the Empire and the Vocation of Russia: George Fedotov's Philosophy of History

J.V. Klepikova

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-44-57

Original research paper

Abstract

The paper discusses the philosophical and historical doctrine of the Russian philosopher and historian George Petrovich Fedotov. The author focuses on the analysis of imperial issues in the works of G.P. Fedotov, especially of his views on the cultural history of the Russian empire and the essence of imperial project in Russia. Fedotov reconsiders the historical experience and revolutionary catastrophe of Russia and searches for the foundations of the social and cultural processes determining the events of Russian history. Fedotov's works offer a variety of interpretations of the political and cultural phenomenon of empire. This reflects his evolution as a philosopher of history: the focus of his vision shifts from the Medieval Rus to the Empire of Peter the Great, then to the collapsed empire of Nicholas II and finally to the USSR (the latter was also an empire according to him). Fedotov's concept of Empire evolves into a timeless cultural-philosophical phenomenon but originates from the historical description of the centralization of power in the feudal monarchy of Ivan the Terrible. The evolution of the philosophical and historical views of Fedotov is influenced by the changes of his attitude to the historical conception of Klyuchevsky. In the 1940s Fedotov considers the empire as a universal idea. The concept of empire proposed by Fedotov gives an understanding of the Russian historical development, especially the causes of the decline and fall of the Russian Empire. Fedotov associates the cause of the salvation of Russia with the study of ancient Russian culture, in which he founds a moral and political ideal of the "Republic of Saint Sophia." The paper shows heuristic potential of Fedotov's cultural and philosophical

ideas on the vocation of spiritual elite and the creative role of personality in the process of nation-building.

Keywords: Empire, philosophy of history, historical development of Russia, spiritual heritage.

Julia Klepikova – postgraduate student at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

jklepikova@list.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2858-543X>

For citation: Klepikova J.V. (2019) The Burden of the Empire and the Vocation of Russia: George Fedotov's Philosophy of History. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 4, pp. 44–57. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-44-57

Введение

Уже находясь в эмиграции, Георгий Федотов уделил пристальное внимание истории российской государственности, начиная со времен Киевской Руси, и создал ряд философско-исторических трудов, по-новому очерчивающих судьбы русской культуры и государства. За этот период Федотовым было опубликовано около 250 работ на русском языке и свыше 20 на французском, немецком, английском языках [Селиванова 2005, 5], что говорит о высокой интенсивности его философского и публицистического творчества. Главный лейтмотив эмигрантских работ Федотова, сохраняющий свое значение во всех журнальных и научных публикациях, определяется желанием уловить подлинный образ России, с тем чтобы понять, как исторически сложилась и далее должна строиться ее жизнь.

Имперская формула России

«Истинный путь дан в Киеве». В своем философском анализе исторического опыта России Федотов обращается к истокам русской культуры и государственности. Языческая по происхождению Русь – преемница Византии, переживающая (но так, по мнению Федотова, и не пережившая) трансформацию вселенского сознания Рима и Византии в национальную идею, – сумела при содействии Церкви взрастить «святых мирян» и «святых князей» и образовать Святую Русь.

Федотов критически рассуждает о том, что Москва переняла от Византии (адресуясь к известной историософской концепции «Москва – третий Рим») идею вселенской церкви. Однако она была сращена с национальными особенностями социальной и

культурной жизни, которые стали на определенном историческом этапе доминировать и впоследствии представлять угрозу утраты вселенского чувства Церкви. Древняя Русь в целом рассматривается мыслителем как период истории России (1), явившийся основанием для формирования национальной идентичности и русской государственности. Древняя Русь, согласно Федотову, была вписана в общеевропейский контекст развития, однако античная культура и древнерусская языческая культура так и не образовали продуктивного синтеза, в то время как в Европе синтез античных и варварских элементов культуры состоялся. Таким образом, по мнению Федотова, византизм во всех смыслах, в том числе политическом, «был уготован молодой русской нации как естественная форма» [Федотов 1991, 28]. Время монголо-татарского ига в истории Руси Федотов трактует в духе В.О. Ключевского, по словам которого в древнерусском государстве сложилось «неустойчивое равновесие» двух форм власти, двух тенденций политического развития – княжеской (монархической) и вечевой (демократической). Характерно, что послекиевский период российской государственности Федотов рассматривает как колебание между Западом и Востоком.

В статье «Россия и свобода» философ заключает, что Москва обрела свой статус во многом благодаря предательским действиям первых своих князей, а воссоединение Руси как централизованного государства осуществлялось через насильственные захваты территорий и подавление князей-соперников при поддержке и содействии Церкви, путем церковных угроз и интердиктов. Татарская стихия овладевала душой Руси, проникала в плоть и кровь. Развивая этот тезис, Федотов пишет о собирании имперских уделов «восточными методами» и выкорчевывании местных традиций пришлыми людьми, когда весь местный слой населения снимался и уводился в Москву, а Русь становилась Московией. Рассуждая об альтернативных вариантах развития государственности в XV–XVI вв., Федотов ставит вопрос: если бы победили идеи Нила Сорского и Андрея Курбского, стала ли бы вся наша история иной? Но этого не произошло, и Русь как данница татар стремительно переродилась в Московское царство, напоминающее восточную державу. Исходя из настоящего понимания исторических событий, в работе, посвященной житию святых, Федотов подтверждает корректность понимания зарубежными исследователями природы власти Московского царства периода правления Ивана Грозного как обеспеченного Церковью всевластия [Raeff 1984, 2–5], нашедшего специфическое выражение и продолжение позже (в СССР).

Мысль Федотова о том, что не народ (нация) создает историю, а история создает народ, артикулированная в более поздних работах [Федотов 1992, 245], отчетливо прослеживается в его философских моделях альтернативной российской истории, сформулированных в публицистических статьях 1930-х гг. Наряду с этим Федотов в своих построениях следует философской интуиции о персоналистическом измерении истории, видя среди причин образования централизованного государства в форме феодальной монархии в конце XV в. личностные особенности московских государей и их окружения, наряду с такими объективными политическими условиями централизации власти, как борьба с внешними угрозами. Рассуждая об альтернативах русской истории, Федотов пытается проанализировать, могла ли Русь быть более цивилизованной страной, если бы победила линия «ближней рады» – Адашева, Сильвестра, Курбского – патриотов земли Русской не меньших, чем Малюта Скуратов?

Особое место в философско-исторических построениях мыслителя занимает империя Петра, реформы которого он рассматривает и как очередной виток развития российской государственности в попытке установить империю нового образца, и как глубинное духовно-культурное потрясение, меняющее вектор развития исторического процесса в России. Подчеркнем, что Россию Федотов всегда рассматривал в неразрывной исторической связи с другими европейскими странами, сравнивая их путь формирования национальной культуры и государства и проецируя достижения европейских наций на русскую историю. Он рассуждал о том, что формированию английской нации в XIV в. и французской в XVI в. предшествовало много веков государственной жизни, на основе которой выстраивалась и культурная общность. Культурное единство, скрепляемое языком, Федотов видел достаточным основанием для образования нации, хотя оно и трудноопределимо по своему содержанию. «Язык является лишь одним из главных, но не единственным признаком культурного единства» [Федотов 1992, 245]. В него, по мнению Федотова, входит также система нравственных понятий, общность быта, религия, литература и искусство. В этом контексте особый интерес представляет трактовка Федотовым границ государства не как фиксированных структур, но как силовых линий, делающих государство не статичным, а как бы пульсирующим во времени образованием. В своих рассуждениях о государственности и национальном процессе Федотов ставит проблему момента, когда экспансия государства переходит в стадию, позволяющую говорить об империи. При этом он считает территориальное расширение пределов государства необходимым, но не достаточным для формирования империи признаком.

Какой же признак выделяет Федотов, рассматривая империю как исторический и культурно-политический феномен? Наиболее существенным признаком империи Федотов считает историческое оформление ее организма, проявляющееся в наличии политического самосознания. «Но завоевание или ассимиляция немцами западных славян или русскими славянами финнов не создавали Империи. Выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, но Империя, с ее особым универсальным политическим самосознанием», – пишет философ [Федотов 1952, 177].

Империя, как определяет Федотов, – это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма [Федотов 1952, 172]. Такая широкая трактовка империи, предложенная Федотовым, несколько отлична от известного универсального и более конкретного определения империи [Howe 2002, 30], и эта трактовка уже как будто учитывает особенность имперского проекта в России.

Федотов выводит ряд отличительных черт Российской империи:

1. Это «дом народов на четыре моря, на шестую часть земного шара» [Федотов 1992, 80].

2. Она имеет четко очерченные границы, в отличие от многих мировых империй, чью структуру Федотов образно сравнивал с драконами, «головы которых еще умещались в Европе, но туловища покрывали почти весь земной шар» [Федотов 1952, 175].

3. Российская империя занимает среднее место между Великобританией и Австро-Венгрией по национальной и географической структуре. «Ее нерусские владения не отделены от нее морями... а массив русского населения не отделен резкой чертой от иногородческих окраин» [Федотов 1952, 186].

4. Она «последняя, единственная в мире, остающаяся после ликвидации всех Империй» [Федотов 1952, 185].

5. Она есть суперарбитр для различных этносов: «большинство народов, населяющих Россию, как островки в русском море, не могут существовать отдельно от нее; другие, отделившись, неминуемо погибнут, поглощенные соседями» [Федотов 1929, 16].

Особое внимание обращает Георгий Федотов на образование и укрепление экономических связей, переросших впоследствии в единый хозяйственный организм. Такая структура способствовала устойчивости империи, но не сама по себе, а потому, что составляла предмет особых взаимоотношений: «В зените своей экспансии и славы, в век “екатерининских орлов”, Россия сознавала свою многоплеменность и гордилась ею» [Федотов 1952, 187].

Пафосные высказывание российского философа об исторической роли России могли бы расцениваться скептиками как декларативный лозунг или идейно-политический манифест талантливого публициста. Известно, что некоторые из современников Федотова, как, например, Ф.А. Степун, сотрудничавший с ним в редакции «Нового града», оказались захвачены «ускоренным пульсом его (Федотова) мысли, яркостью и крылатостью его языка» [Степун 1999, 299]. Однако современные исследователи феномена Российской империи вслед за Федотовым также называют ее исторический опыт и форму существования уникальной [Romaniello 2012, 23] (2).

Гораздо более существенное значение имеют, на наш взгляд, не географические и национальные особенности, а верно подмеченные Федотовым культурные и политико-идеологические отличия Российской империи от современных ей держав. Как можно понять из концепции Федотова, Россия была не просто многонациональным государством в силу складывающихся исторических событий, а общим домом, в котором высокомерие метрополии по отношению к провинциям не было столь разительным, как у ее европейских аналогов.

Сказанное выше позволяет нам сделать следующий вывод, касающийся оценки Федотовым природы империи как таковой и специфики империи Российской. Все империи, существовавшие когда-либо в истории, играли одну и ту же «цивилизаторскую и ассимиляционную роль», однако играли ее по-разному, «и если бы мир мог еще существовать как равновесие Империй, то среди них почетное место занимала бы Империя Российская» [Федотов 1952, 190].

Несмотря на высокий, в чем-то поэтизирующий образ России стиль повествования, в текстах, посвященных имперской России, Федотов выявляет и критически осмысляет также и негативные ее черты. Он говорит о том, что со времен Московского царства центральное место в российской истории заняло самодержавие, а государственная власть стала, безусловно, верховенствовать в общественно-политическом развитии страны, поставив человека и сословия (именуемые Федотовым классами) в подданническое отношение к себе. В статье «Россия и свобода» Федотов утверждает, что своим возвышением Москва была обязана татарофильским действиям верховных князей, боровшихся за ярлык и собиравших княжество в жестокой конкурентной борьбе со своими единокровными братьями. Московское царство как социальная система имело целью построение империи, уничтожающей центры власти, оппозиционные Кремлю [Федотов 1992, 284]. Восточный деспот, как пишет Федотов, рассматривая реформу Никона, ограничен

традициями, в том числе и религиозными, но русский царь не был этим связан. Интересным образом Георгий Федотов трактует опричнину, называя ее «демократизацией господствующего класса, в том смысле, что опричнина расшатывала властные позиции боярства» [Федотов 1933, 88]. Однако направлена она была на укрепление личной власти Ивана Грозного – без достаточных экономических и социальных предпосылок.

По логике Федотова, народ имел основания тяготиться зависимостью от старых господ, но не предполагал, что власть «новых опричных дворян» определит ему крепостное право, и наверняка был заворужен падением одного за одним татарских царств перед царем московским.

Таким образом, Федотов выделяет как отличительные черты Российской империи абсолютизированную роль государства (допускающего крепостничество, по сути, рабство) и незащищенность частной собственности. В интерпретации философа данные признаки имперского строительства сближают Россию со странами Востока, но с важной поправкой на стремление и принятие западных новаций в политике и культурной сфере, ставших, по сути, господствующей тенденцией российской истории, начиная со времен Петра I.

Интересен взгляд Федотова на Россию не только извне, но и изнутри. Сравнивая Российскую империю с другими европейскими империями, Федотов отмечает существенное отличие в национальном самопонимании, выделяя характерное для России просветительское начало по отношению к малым народам, включаемым в Империю. Рассуждая о принципиально разных подходах империй в отношении новых народов, Федотов определяет сохранение российскими царями и монархами этносов, когда-либо вошедших в состав Российской империи, как сверхнациональное призвание России. Продолжая данную линию рассуждений, Федотов отмечает, что с учетом культурного роста малых народностей Россия не может быть таким монолитом, как, например, Франция или Германия, но оплодотворяющее действие русской культуры очевидно и укрепляет полиэтнический базис империи в целом.

Показательно, что, оценивая эффективную политику старой России на Востоке, позволившую ей найти «место в просторном русском доме», Федотов говорит о провале Империи в ее Западных границах. Выступая в качестве философа и историка, дающего свой прогноз, актуальность которого не потеряла своего значения и сегодня, он замечает разрушительное влияние сепаратизмов, сопровождающих дореволюционную Россию и позже СССР.

Кроме того, особо следует отметить чувствование Федотовым эпохи перемен, интеллектуальное осязание ее болевых точек, и особенно это касается межнациональных отношений. Он как бы предостерегает, что в современной истории национальные самолюбия могут опасным образом превосходить национальные интересы. И предсказывает, что экономические интересы масс не устоят против «искусственных» национальных претензий элит, а презрение к духовным потребностям народа рано или поздно будет иметь разрушительные последствия. Федотов называл русскую культуру культурой всечеловеческой, поскольку Российская империя объединяет в себе многие нации и интегрирует культурное многообразие. Россия не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, «сверхнационального, материкового, она погибнет – как Россия» [Федотов 1991, 182].

Характерно, что Федотов рассматривал исторические вехи застоя или «склероза русской жизни», препятствующего органическому обновлению России, в духе философско-исторических построений Тойнби [Тойнби 2016]. Анализируя вызовы, с которыми страна сталкивалась, Федотов расценивал значение исторических ответов, которые следовали за ними: церковный раскол в XVII в., и позднее – реформы Петра. Обе эти реформы были насильственными, но необходимыми, поскольку старина не хотела обновляться. В логике реформаторов ее приходилось ломать ради сохранения самой России.

Мыслитель задумывается о том, будет ли существовать Россия [Федотов 1929] как империя (государственный союз народов) или вернется к исходному племенному единству в старомосковских границах Великороссии. Он также пытается осмыслить ту грань, которую революция провела в национальном сознании между прошлым и будущим русской культуры. В революции мы привыкли видеть кризис власти, но не «кризис национального сознания» [Федотов 1991, 173]. В попытке начертать образ культурного будущего России философ задается вопросом: на каком основании строить новую пореволюционную культуру, и кто будет ее строить?

Над руинами послевоенной Европы возвысились два гиганта, два победителя, вознесенные мировой войной на небывалую высоту, – СССР и США. Федотов приступает к их исследованию. Не без противоречий по отношению к прежним своим высказываниям, уже в Америке, в 1940-е гг. философ рассуждает о чудовищности красной (Сталинской) империи и о Рах Americana как о лучшем сценарии для человечества. «Наше поколение стоит перед повелительной необходимостью прорваться из магического круга Ключевского,

из его “местной”, тесной, социальной и бытовой темы, и выйти в мировые просторы сороковых годов» [Федотов 1991, 329, 348].

Однако во всех упоминаниях империи тема культуры оказывается для философа центральной. Федотов подчеркивает, что в связи с важностью роли русской культуры как государствообразующего фактора империи (а иного пути для России не найдено) великороссы (русские) должны брать на себя львиную долю общероссийской культурной работы, являющейся не только средством удовлетворения культурных или профессиональных интересов, но и служением национальному делу России. Возложенная историей на русский народ функция «водительства» требует от него расширения сознания и одновременно трансформации национального русского сознания в российское. Этот процесс, по мысли Федотова, должен осуществляться через механизм обогащения ценностями малых народов, но без ущерба для полноценности русского сознания, с включением культурной миссии Церкви, что представляется автору «России и свободы» возможным.

Тип русского человека в перспективе развития имперского проекта

Осмысление культуры и поиск путей ее построения на христианских началах — одна из главных тем философских работ Федотова. Как отмечает Ю. Иваск, делом жизни Георгия Федотова было вложить живое содержание в понятия православия и социализма или использовать лучшее, что было в них заложено [Иваск 1988, 53].

Согласно общей философско-исторической концепции Федотова, развитие России происходило на фоне соперничества трех тенденций: самодержавно-деспотической, антигосударственно-нигилистической и творческо-европеистской [Кара-Мурза 2015, 30]. Только в третьей, культуроцентричной тенденции перед Россией открывалась перспектива свободного и полного развития.

В работе «Письма о культуре» Георгий Петрович уделяет значительное внимание определению национального типа русского человека, рассуждая о народе как о носителе национальной культуры. Он осуществляет культурологический срез истории и выводит своеобразную культурно-историческую типологию русского человека, описывая типы московского человека, интеллигента, «русского европейца». Его социологическое исследование, направленное на выяснение культурных перспектив России пореволюционной, продиктовано желанием понять, какие из уничтоженных национальных пластов могут возродиться и кто будет определять будущее России. Интеллигент и «русский европеец» уничтожены революцией. Новый советский человек мало напо-

минает русского – это Homo Europaeo-Americanus. Однако в нем присутствует и узнаваемая черта с характерной вековой привычкой к повиновению. Как пишет Федотов, «слабое развитие личного сознания, потребности в свободе и легкость жизни в коллективе» [Федотов 1992, 163–187] роднят советского человека со старой Москвой, в нем несложно узнать деревенского и рабочего парня.

В поисках национального характера Федотов взглядом историка и философа культуры всматривался в национальную традицию, пытался выйти за пределы древней истории Новгорода и Киева, надеясь обнаружить силы природных основ народной души. Тютчев, Толстой, Розанов, по мнению Федотова, как бы дистиллируют, перегоняя в приборах высокого духовного напряжения первобытную материю русского язычества, в то время как в народных слоях России средневековое миросозерцание сохраняло свою силу вплоть до середины XIX в.

Свое внимание Федотов сосредотачивает на имперском человеке, «русском европейце». Созданный реформами Петра тип человека новой имперской культуры обладал универсальностью и широтой – свободой духа, о котором писали классики Достоевский и Пушкин (ярчайшие образцы данного национального типа, согласно Федотову, были даны при Александре I). Особый интерес для концепции имперского человека представляет трактовка Федотовым Пушкина и его восприятия Империи: «Русская жизнь и русская государственность – непрерывное и мучительное преодоление хаоса началом разума и воли. В этом и заключается для Пушкина смысл империи» [Федотов 1937, 182]. Не будет преувеличением предположить, что в пушкинский тип восприятия империи Федотов включает собственное отношение к империи как к противоречивому сочетанию державного величия и культурного универсализма. Свобода и Россия – это два метафизических корня, из которых вырастает личность Пушкина, согласно Федотову [Федотов 1937, 179]. Он отмечает преклонение Пушкина перед культурой и главным, по мнению солидаризирующегося с Пушкиным Федотова, смыслом империи Петра – делом и подвигом просвещения. Это и обеспечивало столь ценное мыслителем отсутствие разрыва между властью и культурой.

Во второй половине XIX в. «русский европеец» еще не исчезает как культурный тип, однако практически отстраняется (отдаляется) от власти. В начале XX в., после первой революции 1905 г., русский европеец, человек культуры, начал, по мнению Федотова, приобретать черты интеллигенции. К русской интеллигенции, превратившейся в орден революционеров, Федотов относится критически, однако на человека интеллектуального труда, избав-

ленного от грехов революционной интеллигенции, он возлагает надежды как на строителя культуры.

Разработанная Федотовым типология русского человека позволяет констатировать измененные революцией черты носителя национальной культуры. Поэтому при анализе советской культуры Федотов фиксирует преобладание народнической культурной установки. Однако поднятие общего культурного уровня происходит за счет снижения высоких образцов культуры, немыслимой для Федотова без религии. Анализируя политический курс СССР, философ говорит об истреблении мыслящих высококультурных людей и тем самым выносит исторический приговор большевистской Империи.

Заключение

Культурно-историческая типология русского человека, разработанная Федотовым, является звеном в его историософской концепции Империи, обеспечивая, по мнению мыслителя, плодотворность изучения и философской критики культурной истории России без искусственных «онтологических» или «феноменологических» схем, сблизняющих своим идеологическим «монизмом».

В своем философском осмыслении прошлого и современности вопросы, поднятые Г.П. Федотовым, выходят далеко за пределы тактических исторических задач, выстраивая перспективу для развития России сегодня. Можно согласиться с российским философом О.А. Жуковой, что историософская и культурологическая мысль Г.П. Федотова «может быть предложена в качестве концептуальной основы для современного понимания российской цивилизации, ее культурно-политической специфики» [Жукова 2014, 273].

Идеи Федотова о необходимости обращения к традиции, о культурной преемственности в деле духовного и государственного возрождения России, понимаемого как процесс ее культурно-национального строительства, представляют собой если не до конца завершенную, то глубоко продуманную систему философско-исторических взглядов. Концепт империи в работах Федотова выступает универсальной проблемной рамкой, позволяющей мыслителю тематизировать топику русской истории и выйти за пределы «истории по Ключевскому». На наш взгляд, это дает Федотову возможность включить в российский исторический нарратив события революции, предугаданные, но не пережитые великим историком. Тем самым философ продолжает работу по критическому переосмыслению культурной и социальной истории России, начатую его выдающимся предшественником.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Федотов в целом считал период Киевской Руси благоприятным периодом истории, видя в нем потенциал дальнейшего развития национального сознания в России благодаря аристократичной культуре Киевской Руси, проникающей в массы из «княжеских теремов и монастырей».

(2) У Мэтью Романиелло подразумевается еще допетровская империя. Федотовым эта характеристика применена по отношению к Империи Петра, однако является универсальной характерной чертой России разных времен.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Жукова 2014 – Жукова О.А. Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. – М.: Согласие, 2014.

Иваск 1988 – Иваск Ю. Молчание (Памяти Георгия Федотова) // Наше наследие. 1988. № 4. С. 53.

Кара-Мурза 2015 – Кара-Мурза А.А. Проблема свободы в интеллектуальном творчестве Г.П. Федотова // Философские науки. 2015. № 4. С. 24–36.

Киселев 2004 – Киселев А.Ф. Страна грез Георгия Федотова (Размышления о России и революции). – М.: Логос, 2004.

Селиванова 2005 – Селиванова Ю. В. Социально-политические взгляды Г.П. Федотова: социологический анализ (автореферат диссертации). – Саратов, 2005.

Степун 1999 – Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Степун Ф.А. Портреты. – СПб.: РХГИ, 1999.

Степун 2000 – Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. – М.: РОССПЭН, 2000.

Тойнби 2016 – Тойнби А.Дж. Подъем и падение цивилизаций // Тойнби А.Дж., Хантингтон С.Ф. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. – М.: Алгоритм, 2016.

Федотов 1929 – Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Вестник Р.С.Х.Д. 1929. № 1–2. С. 13–21.

Федотов 1933 – Федотов Г.П. Пореволюционная пресса // Новый Град. 1933. № 6. С. 88.

Федотов 1937 – Федотов Г.П. Певец Империи и свободы // Современные записки. Общественно политический и литературный журнал. 1937. Т. 43.

Федотов 1952 – Федотов Г.П. Судьба империй // Федотов Г.П. Новый град. Сборник статей / под ред. Ю.П. Иваска. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

Федотов 1991 – Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х тт. Т. 1. – СПб.: София, 1991.

Федотов 1992 – Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. Т. 2. – СПб.: София, 1992. С. 163–187.

Raeff 1984 – *Raeff M. Understanding Imperial Russia: State and Sovereignty in the Old Regime.* – New York: Colombia University Press, 1984.

Romaniello 2012 – *Romaniello M. The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671.* – Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2012.

Howe 2002 – *Howe S. Empire: A Very Short Introduction.* – Oxford: Oxford University Press, 2002.

REFERENCES

Fedotov G.P. (1929) Will Russia Exist? *Vestnik R.S.Kh.D* (France). 1929. No. 1–2, pp. 13–21 (in Russian).

Fedotov G.P. (1933) Post-Revolutionary Press. *Noviy grad* (France). 1933. No. 6, p. 88 (in Russian).

Fedotov G.P. (1937) Singer of the Empire and Freedom. *Sovremennye zapiski* (France). Vol. 43 (in Russian).

Fedotov G.P. (1952) The Fate of Empires. In: Fedotov G.P. *Novy Grad. Collected Articles.* New York: Chekhov Publishing House (in Russian).

Fedotov G.P. (1991) *The Fate and Sins of Russia: Collected Articles on the Philosophy of Russian history and Culture. In 2 volumes.* Vol. 1. Saint Petersburg (in Russian).

Fedotov G.P. (1992) *The Fate and Sins of Russia: Collected Articles on the Philosophy of Russian history and Culture. In 2 volumes.* Vol. 2. Saint Petersburg (in Russian).

Howe S. (2002) *Empire: A Very Short Introduction.* Oxford: Oxford University Press.

Ivask Y. (1988) Silence (In memory of George Fedotov). *Nashe nasledie.* 1988. No. 4, p. 53 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2015) The Problem of Freedom in Intellectual Creativity of G.P. Fedotov. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* 2015. No. 4, pp. 24–36 (in Russian).

Kiselev A.F. (2004) *The Land of Dreams of George Fedotov (Reflections on Russia and the Revolution).* Moscow: Logos (in Russian).

Raeff M. (1984) *Understanding Imperial Russia: State and Sovereignty in the Old Regime.* New York: Colombia University Press.

Romaniello M. (2012) *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671.* Madison, WI: University of Wisconsin Press,

Selivanova Y.V. (2005) *Socio-Political Views of G. P. Fedotov: A Sociological Analysis* (dissertation). Saratov (in Russian).

Stepun F.A. (1999) G.P. Fedotov. In: Stepun F.A. *Portraits.* Saint Petersburg: RKhGI (in Russian).

Stepun F.A. (2000) Thoughts on Russia. In: Stepun F.A. *Collected Works.* Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Toynbee A.J. & Huntington S.F. (2016) *Challenges and Answers. How Civilizations Perish.* Moscow: Algorithm, 2016 (Russian translation).

Zhukova O.A. (2014) *Selected Works on the Philosophy of Culture. Cultural Capital. Russian Culture and Social Practices of Modern Russia.* Moscow: Soglasie (in Russian).